

Когда Тиана и Люциус ушли, в гостиной поселилась успокаивающая энергия. Такое оживление согрело сердце Эдвина, когда он посмотрел на дверь, из которой вышли они вдвоем.

— Должен сказать, ваша дочь сильно изменилась. Как будто потеря памяти превратила ее в совершенно другого человека, так сильно непохожего на нее прежнюю.— Маркиз Кальвино, который был так же загипнотизирован, глядя на дверь, прервал их мечты.

— Я могу объяснить это только произошедшей аварией. Я просто благодарен, что ей не стало от этого хуже.

— Хуже? О... Маркиз Кальвино понял подтекст слов Эдвина.

— Нет. Наоборот, сейчас она выглядит лучше, чем раньше. Раньше она была очень...

Эдвин мог видеть, как маркиз Кальвино с трудом подбирал слова, чтобы лучше всего описать его дочь. Хотя он не мог винить его. Описать Тиану до аварии ему тоже было довольно сложно.

— Я не могу придумать ничего хорошего, чтобы сказать о ее прежнем характере. — Маркиз с сожалением сдался.

— Я понимаю. Мои извинения. Ей так много пришлось вынести в прошлом, и мне не помогло то, что я не выполнил свой долг и не позаботился о ней.

— Нет, ваши извинения необоснованны. Ваша дочь находится в том возрасте, когда она беспокоит своих родителей и усложняет жизнь всем. Я так понимаю, с герцогиней тоже что-то случилось в это время?

— Да.— Выражение лица Эдвина исказилось, когда он услышал последнее замечание маркиза о своей жене. Это как если бы острый нож пронзил его сердце и засел там, чтобы глубже вонзиться в его рану. Он снова переключил свое внимание на мысли о дочери. Да, будучи совсем юной и в самом расцвете лет, Тиана была тогда очень чувствительной и довольно странной.

Она предпочитала быть наедине с собой и стала крайне настороженно относиться к людям, даже к своим родным и близким. Она была встревожена и меланхолична, так что заставить ее улыбнуться — непосильная задача даже для лучшего дворцового шута.

Чем дольше она проводила время дома в изоляции, тем больше у нее осталось желания участвовать в общественной деятельности на свежем воздухе. Хотя она пыталась приложить усилия, чтобы как-то открыть свое сердце, попытки Эдвина и других поговорить с ней были восприняты и приняты холодно, что побудило его сдаться, оставив Тиану наедине с ее собственными мыслями и компанией. Он хотел сказать, что причиной была Диана, но...

Эдвин, который не мог видеть свою жену в последние минуты ее жизни, понимал обиду и горечь, которые могли возникнуть у Тианы из-за потери матери, которая была ей очень дорога.

Диана скончалась два года назад от болезни, а ее собственная дочь сидела у ее смертного одра. Тиана терпела в одиночестве и в агонии, наблюдая, как ее мать молча страдает, пока болезнь медленно не поглотила ее. Такое испытание не должно было перекладываться на такого ребенка, такого нежного и чувствительного, как Тиана.

Эдвин знал о своих собственных проступках и никогда не возлагал на свою дочь вину за то, что она всегда носит эту тяжесть в своем сердце. Конечно, Тиана имеет полное право злиться на

него. Он принял это с поражением.

— Уже два года как не стало герцогини.

Маркиз Кальвино нарушил долгое молчание, когда Эдвин, погруженный в свои мысли, притих. Почувствовав, как в воздухе потемнело, он перестал постукивать пальцами по подлокотнику кресла и придал своему голосу ободряющий вид.

«Глядя на это сейчас... это облегчение, что она смогла уйти от опрокинутой кареты, невредимой и без необратимых травм, учитывая, что это произошло вскоре после смерти герцогини».

— Это точно.— Эдвин как-то начал успокаиваться.

— Со всем, что произошло, со смертью ее матери и несчастным случаем, свидетелем которого ты сам был. Вполне понятно, почему у нее было слишком много эмоций, таящихся в фибрах ее сердца, непризнанных и невысказанных. Она, должно быть, хотела отрицать то, что случилось с ее матерью, с которой ее так много связывало.

Маркиз Кальвино помнил сверхъестественное сходство неразлучных матери и дочери, которые были очень близкими спутницами друг друга.

— Может быть, именно так авария повлияла и изменила ее сердце к лучшему. Разве она изначально не пыталась все отрицать и настаивала на том, что умер кто-то другой?

Маркиз посмотрел на Эдвина, который снова потерял дар речи и, казалось, был доволен услышанным утешением. Внезапно, озарившись, маркиз разжал ладонь, спрятанную под подбородком, и издал звук. Эдвин странно взглянул на него, ему было любопытно, что он имеет в виду, поэтому он медленно продолжил:

— Теперь, когда я обдумал это, твоя дочь, которую я только что видел уходящей сегодня, очень сильно изменилась.

<http://tl.rulate.ru/book/57035/1889825>